

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.23>

Ковтунова Елена Анатольевна, Езан Ирина Евгеньевна

ДИСКУРС-АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Настоящая статья посвящена теоретическим и практическим аспектам дискурс-анализа актуальных немецких политических ключевых слов. В статье рассматриваются вопросы определения и классификации ключевых слов, особое внимание уделяется их дискурсивным и прагматическим характеристикам. В исследовании представлен дискурс-анализ нового ключевого слова "postfaktisch" на внутритекстовом, транстекстовом уровнях и на уровне актёров; исследуются особенности кодифицированной и дискурсивной семантики в политическом медиадискурсе, а также дискурсивные производные и коллокации лексем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 99-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81; 811.11-112

Дата поступления рукописи: 12.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.23>

Настоящая статья посвящена теоретическим и практическим аспектам дискурс-анализа актуальных немецких политических ключевых слов. В статье рассматриваются вопросы определения и классификации ключевых слов, особое внимание уделяется их дискурсивным и прагматическим характеристикам. В исследовании представлен дискурс-анализ нового ключевого слова “postfaktisch” на внутритекстовом, транстекстовом уровнях и на уровне актёров; исследуются особенности кодифицированной и дискурсивной семантики в политическом медиадискурсе, а также дискурсивные производные и коллокации лексемы.

Ключевые слова и фразы: язык политики; медиадискурс; ключевое слово; дискурс-анализ лексики; политические неологизмы.

Ковтунова Елена Анатольевна, к. филол. н.

Езан Ирина Евгеньевна, к. филол. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

e.kovtunova@spbu.ru; i.ezan@spbu.ru

ДИСКУРС-АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются некоторые вопросы дискурсивной реализации новых политических ключевых слов в СМИ Германии. Теоретико-методологическую основу нашего исследования составили работы, посвящённые общим вопросам политолингвистики и конкретно изучению ключевых слов немецких и отечественных учёных, среди которых Т. Нир [28; 29], А. Бурхардт [11], В. Дикманн [15], Д. Фельбик [18], А. П. Чудинов [8], Е. Г. Малышева [5], Н. А. Купина [4] и др. Кроме того, мы опираемся на исследования в области теории дискурса и дискурс-анализа таких авторов, как В. Е. Чернявская [7], С. Т. Нефёдов [6], Д. Буссе и В. Тойберт [12], Й. Шпицмюллер и И. Х. Варнке [31] и др.

Т. Нир определяет ключевые слова как слова и выражения, особенно актуальные в определенный период времени, способствующие распространению в обществе программ и целевых установок определённых политических сил [29, S. 496].

Несмотря на довольно активное изучение ключевых слов в последние десятилетия, в работах исследователей языка политики отсутствует терминологическое единство. Так, в немецкой политолингвистике наряду с термином *Schlagwörter* (лозунговые слова) употребляются *Fahnenwörter* (слова-знамена), которые имеют ярко выраженную позитивную коннотацию, сильный прагматический потенциал и часто характеризуют позицию определенной партии, *Symbolwörter* (слова – символы), *Hochwertwörter* (слова, выражающие положительные ценности), *Unwertwörter* (слова-антиценности), *brisante Wörter* (бризантная, актуальная лексика), *kontroverse Begriffe* (контroversные понятия), *Schlüsselwörter* (ключевые слова) и др. [1; 2; 15; 18; 24; 29].

В отношении иерархии (типологии) ключевых слов также можно заметить разницу во взглядах учёных. Приведем две схемы, которые отражают наиболее часто используемые немецкими авторами классификации ключевых слов:

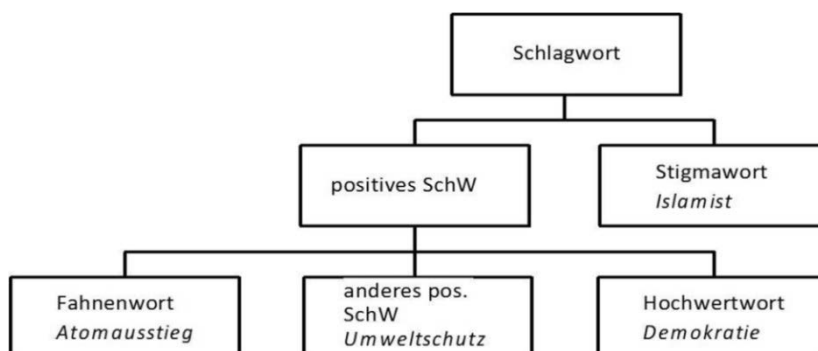

Рисунок 1. Классификация ключевых слов по Херманнсу [24]

Классификация на *Рис. 2* включает в себя уже упомянутые на *Рис. 1* типы, но ключевые (лозунговые) слова здесь первично подразделяются не по критерию оценочности, а по признаку принадлежности партии (общеупотребительные/внепартийные и партийные). Оценочные лексемы, в свою очередь, подразделяются на группы с положительной и отрицательной оценкой. Интересно, что если первая классификация допускает только положительно или отрицательно коннотированные единицы, то во втором случае ключевыми (лозунговыми) словами могут считаться и нейтральные понятия.

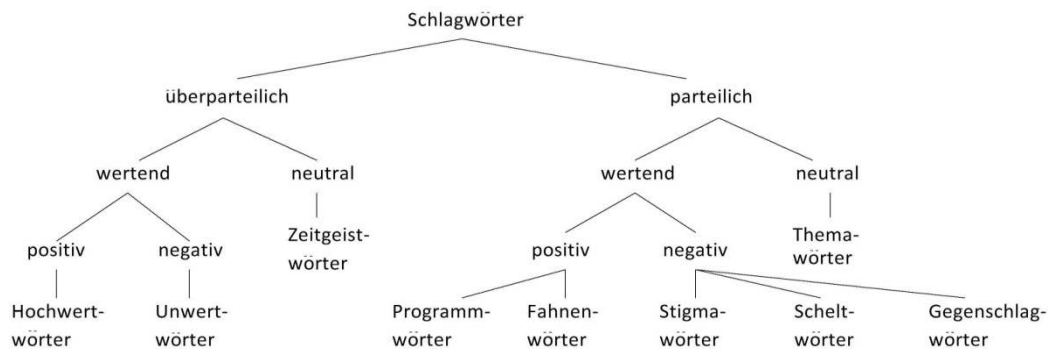

Рисунок 2. Классификация ключевых слов по Буркхардту [11, S. 103]

В настоящее время к анализу ключевых слов большой интерес проявляют не только исследователи языка политики, но и лексикологи. Разделы о ключевых словах включаются в современные учебники по немецкой лексикологии [36]. Так, К. Ванцек также делает попытку разграничить терминологические синонимы. По её мнению, термин *Schlagwort* (лозунговое слово) обозначает наиболее общее понятие, адресант его использует сознательно для достижения определенного воздействия, его почти полным синонимом автор считает *Schlüsselwort* (ключевое слово). Однако у последнего термина важным компонентом значения является его принадлежность к центральным для определенного промежутка времени понятиям. Более частными уточняющими терминами являются *Hochwertwörter* (слова, выражающие положительные ценности) – в этом случае важна эмоциональная составляющая, *Modewörter* (модные слова), имеющие высокую частотность употребления, а также *Fahnenwörter* (слова-знамена), передающие центральные идеи и концепты, их можно причислить к оценочному идеологическому вокабуляру [Ibidem, S. 136-141].

В отечественной лингвистике для обозначения концептуально важных, ёмких и прагматически заряженных политических слов и выражений, как правило, используются термины «ключевые слова», «лозунговые слова» или «слова-лозунги», «идеологемы» [1; 2; 4; 8].

Например, Е. Г. Малышева под идеологемой понимает многоуровневый концепт, «в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [5, с. 35]. «В связи с характером концептуализируемой информации» [Там же, с. 37-38] автор использует термин «идеологемы-гештальты» (*свобода, равенство*), которые в немецкой терминологии можно соотнести с термином *Hochwertwörter* (слова, выражающие положительные ценности), например, *Freiheit* (свобода). С учетом прагматического компонента автор выделяет идеологемы с положительным и отрицательным аксиологическим модусом, что позволяет в данном случае вновь провести параллель с немецкими терминами *Hochwertwörter* (слова, выражающие положительные ценности) и *Unwertwörter / Stigmawörter* (слова-стигмы) соответственно. Выделяются также идеологемы ограниченного употребления, которые используются преимущественно представителями одной политической партии и которые, в свою очередь, соотносятся с терминами *Fahnenwörter* (слова-знамена), *Programmwörter* (программные слова).

В данной статье мы будем применять термин «ключевые слова». Слова такого рода активно используются в политических дискуссиях для поляризации мнений различных политических партий. Например, ключевое слово *Digitalisierung* (цифровизация) определяло предвыборную кампанию 2017 года Свободной демократической партии Германии (СвДП), *Gerechtigkeit* (справедливость) – предвыборный дискурс Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Для программы Христианско-социального союза (ХСС) ключевыми стали *Ordnung* (порядок), *Zusammenhalt* (единение), *Fairness* (справедливость), *Vertrauen* (доверие), *Handlungsfähigkeit* (способность действовать) и пр.

Очевидными характеристиками ключевых слов являются их прагматический потенциал и дискурсивный характер. Слово или выражение может стать ключевым только в условиях реального употребления в политическом дискурсе. Исходя из того, что в данной статье основное внимание уделяется ключевым словам как феномену дискурса, считаем необходимым дать определение термина «дискурс» и рассмотреть некоторые положения дискурс-анализа.

Под дискурсом, вслед за В. Е. Чернявской, мы будем понимать, во-первых, «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [7, с. 3]. Во-вторых, дискурс – это «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом». И, наконец, в-третьих, под дискурсом понимается «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме», комплексная взаимосвязь многих текстов, которые функционируют в пределах одной и той же коммуникативной сферы [Там же, с. 76].

Нам также представляется важным замечание В. Е. Чернявской о том, что «дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона, на формирование языковых закономерностей конкретного произведения» [Там же, с. 69]. Можно предположить, что в отношении лексического наполнения медиатекстов это положение в полной мере применимо к ключевым словам.

Немецкая традиция изучения дискурса представлена в современном научном лингвистическом пространстве разными направлениями [12; 31]. Так, объективация и фиксация динамики изменений в коллективном сознании тех или иных социальных групп в изменениях значений ключевых слов и выражений некоторого предметно-тематического дискурса, которые можно наблюдать и выявлять на протяжении определенного среза времени, исследуется представителями «исторической семантики дискурса» [6, с. 25].

В настоящей статье мы принимаем во внимание не только положения историко-семантического направления дискурс-анализа. Мы опираемся также на конструктивистскую концепцию дискурса, согласно которой дискурс-анализ лексических единиц и контекстов их употреблений позволяет не только реконструировать общественно и культурно значимое знание, но и показывает, как при помощи языка конструируется социальная реальность [22, С. 81].

Как известно, именно медиатексты часто порождают, распространяют и закрепляют в медийном пространстве, а затем и в языке, новые политические ключевые слова как обозначения соответствующих политических реалий. Дело в том, что «для успешной стандартизации новой лексики важно, чтобы она оказывала воздействие на широкие массы носителей языка» [36, S. 56].

Последние два политических года оказались очень «урожайными» не только на новые политические события, но и с точки зрения появления новых политических лексем в пространстве медиа Германии. Примечательно, что некоторые медийные политические неологизмы (*Fake News* (фейковые новости), *postfaktisch* (постправдивый), *Flüchtlingskrise* (миграционный кризис), *Lügenpresse* (лживая пресса), *Willkommenskultur* (культура гостеприимства), *Brexit* (брексит) и др.) уже кодифицируются нормативными словарями [3].

Ключевым словом политического медиадискурса Германии в конкретном году можно считать выбираемое ежегодно Обществом немецкого языка (*Gesellschaft für deutsche Sprache*) «слово года» (*Wort des Jahres*). При этом речь идёт, скорее, не о частотности употреблений, а о высокой степени воздействия на общественно-политический дискурс. Как правило, такие слова ярко проявляют себя именно в медийном пространстве. В 2015 году на волне миграционного кризиса «словом года» стало существительное *Flüchtling(e)* (беженец, беженцы). В 2016 «словом года» было объявлено прилагательное *postfaktisch* (псевдоправдивый, квазиреальный, постправдивый). В 2017 году победила лексема *Jamaika-Aus* (безуспешный исход переговоров по созданию правящей чёрно-жёлто-зелёной коалиции между партиями ХДС/ХСС, СвДП и «Зелёные»).

Рассмотрим кодифицированную и дискурсивную семантизацию лексемы *postfaktisch* на материале словаря *Duden*, ресурса *DWDS* и корпуса медиатекстов за 2016 и 2017 гг.

История появления и распространения в политическом дискурсе Германии прилагательного *postfaktisch* неоднозначна. *Duden* включил данную лексему в список заголовочных слов в 2017 году, после того как редакция пристально наблюдала за её употреблением.

Приведём актуальную дефиницию *postfaktisch* из словаря *Duden*: ‘zu einer Entwicklungsstufe gehörend, in der die Bedeutung von Tatsachen stark abnimmt; unabhängig von Wahrheitsgehalt oder Realität’ (‘относящийся к определенной ступени развития, на которой значение фактов резко теряет свой вес; независимый от степени достоверности и реальности’). В качестве примеров коллокаций приводятся *eine postfaktische Argumentation, Politik, die postfaktische Gesellschaft* (постправдивая аргументация, политика, постправдивое общество). Происхождение: *zu post-, Post- und faktisch = unabhängig von der Wahrheit, den Fakten; Lehnübersetzung von englisch post-truth/post-factual* (независимый от правды, фактов; калька с английского *post-truth/post-factual*) [16].

Итак, немецкое *postfaktisch* восходит к английскому существительному (или прилагательному) *post-truth / posttruth* (псевдоправда, квазиправда, квазиреальность, послеправда, постправда или псевдоправдивый и т.д.), «слово, описывающее эпоху развития массовых коммуникаций, когда истина становится неважной» [27]. В современном англо-американском общественно-политическом дискурсе активное употребление данной лексемы началось после выхода в свет в 2004 году книги Ральфа Кийса (Ralph Keyes) «Эпоха после истины: нечестность и обман в современной жизни» (“The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life”) [26]. Высокая частотность употребления и популярность в медиапространстве привели к тому, что английское *post-truth* в ноябре 2016 Оксфордский словарь (Oxford English Dictionary) объявил «международным словом года» [37].

Немецкое *postfaktisch*, в свою очередь, появилось на страницах СМИ, благодаря канцлеру Ангеле Меркель, которая в сентябре 2016 после выборов в Земельный парламент Берлина в одной из своих речей практически дала определение этому понятию:

“Es heißt ja neuerdings, wir lebten in postfaktischen Zeiten. Das soll wohl heißen, die Menschen interessieren sich nicht mehr für Fakten, sie folgen allein den Gefühlen. Und das Gefühl einiger geht so, ich triebe unser Land in die Überfremdung, Deutschland sei bald nicht mehr wiederzuerkennen” [19]. / «Недавно появилось утверждение, что мы живем во времена постправды. Это, вероятно, означает то, что люди больше не интересуются фактами, они следуют только своим чувствам. И у некоторых возникло такое чувство, будто я обрекаю свою страну на засилье иностранцев, Германию уже скоро якобы невозможно будет узнать» (здесь и далее перевод авторов статьи. – Е. К., И. Е.).

В конце 2016 года на электронном ресурсе *Duden* появляется статья, посвящённая «слову года». Главный редактор словаря *Duden* доктор Катрин Кункель-Рацум (Kathrin Kunkel-Razum) полагает, что «именно после выступления А. Меркель у *postfaktisch* появился шанс стать “словом года”, и лишь во вторую очередь на решение комиссии повлияло решение *Oxford English Dictionary* и выбор английского аналога» [30]. Далее в статье говорится о том, что данное производное прилагательное, образованное по аналогии с *Postmoderne* (постмодернизм), *Poststrukturalismus* (постструктурализм) при помощи префикса *post-*, а не, например, *kontra-* или *anti-*, получает в общественно-политическом дискурсе достаточно широкое распространение и постепенно закрепляется в немецком языке. Как утверждает *Duden*, в таких сочетаниях, как *postfaktische Zeiten*, *postfaktische Politik*, атрибутивный компонент обозначает этап, период, начало и конец которого пока невозможно определить [Ibidem]. Таким образом, ещё до окончательной кодификации редакция *Duden* публиковала свои наблюдения за формой и семантикой данного прилагательного, исходя из его дискурсивной реализации.

DWDS предлагает более подробную семантизацию прилагательного *postfaktisch*. Отметим также, что слово было зафиксировано и описано на данном ресурсе задолго до появления его в *Duden*:

1) *bildungssprachlich, (meist) abwertend* ‘anerkannte Tatsachen, als gesichert geltendes Wissen nicht zur Kenntnis nehmend und sich stattdessen auf subjektive Wahrnehmungen und ungeprüfte Behauptungen stützend bzw. sich auf Stimmungen und Gefühle beziehend’ (книжное, (обычно) уничижительное ‘не считая (не считающий) признанные факты истинными знаниями, вместо этого опираясь (опирающийся) на субъективное восприятие и непроверенные утверждения или ссылаясь (ссылающийся) на настроения и чувства’) [17].

Первое значение маркирует отрицательная оценочность. В дефиниции противопоставляются субъективное восприятие и непроверенные утверждения, настроения и чувства, с одной стороны, и признанные факты, считающиеся проверенными знания – с другой. Из дефиниции следует, что возможные атрибутивные сочетания с *postfaktisch* также будут приобретать отрицательную оценочность даже при наличии нейтрального существительного.

Из ниже следующего пояснения к сфере употребления и характеру контекстов [Ibidem] можно заключить, что *postfaktisch* употребляется, в основном, как ключевое (лозунговое) слово (Schlagwort) в общественно-политическом дискурсе. Данное понятие характеризует соответствующее поведение, коммуникативные практики или политику, когда субъект руководствуется не разумом, но чувствами. Однако есть указание и на то, что при употреблении слова имеется в виду слишком упрощённое представление о политике, которое основывается на том, что любое политическое действие опирается исключительно на объективные, общепризнанные факты. Критики такого узкого понимания политики ставят под сомнение общепризнанный объективный характер фактов и исходят из того, что политика – это всегда комбинация, взаимодействие сконструированных фактов и мнений.

Далее на сайте DWDS располагаются контексты употребления, а также ряд возможных коллокаций: *ein postfaktisches Zeitalter* (эпоха постправды); *eine postfaktische Politik, Gesellschaft* (политика, общество постправды). Таким образом, мы наблюдаем единство мнений в отношении коллокаций со стороны *Duden* и DWDS:

2) *selten, bildungssprachlich* ‘den tatsächlichen, historischen Vorgängen oder Verhältnissen zeitlich nachfolgend’ (редко встречаемое, книжное ‘следующий по времени за реальными, историческими процессами или отношениями, происходящий постфактум’) [Ibidem].

Мотивировка значения в данном случае более прозрачная. Во втором значении лексема употреблялась и раньше, сфера употребления не ограничивается общественно-политическим дискурсом. Отметим, что в *Duden* данное значение не кодифицируется. Однако его наличие даёт нам возможность полагать, что исследуемое слово – не безоговорочная калька с английского, а, возможно, имеет место семантическая трансформация под влиянием английского аналога.

Анализ корпусов и архивов некоторых немецких изданий показал, что контексты употребления в СМИ прилагательного *postfaktisch* в первом значении «постправдивый, псевдоправдивый» и его производных удаётся обнаружить лишь, начиная с осени 2016 года. Данный факт позволяет заключить, что слово *postfaktisch* за короткое время прошло путь от трендового слова и медийного семантического неологизма до полноценного неологизма, зафиксированного в лексикографических источниках.

Переходим к анализу дискурсивной реализации *postfaktisch* в немецком медиaprостранстве. Анализу подвергались корпус DWDS, доступные интернет-архивы изданий “Die Zeit”, “Süddeutsche Zeitung”, “Spiegel”.

Был составлен собственный корпус из более чем 100 статей и около 300 контекстов употреблений прилагательного *postfaktisch*, а также его производных. Сразу отметим, что за 2016–2017 гг. нам не встретился ни один контекст употребления этого слова во втором значении.

Поскольку дискурс-анализ невозможен без учёта прецедентной ситуации, предлагаем краткую характеристику общественно-политической ситуации в Германии и за её пределами, которая способствовала появлению исследуемого понятия. В 2016 году граждане Великобритании проголосовали за *Brexit* (выход страны из Европейского союза), не случилось подписания «Трансатлантического партнёрства» с США (ТТIP), на местных выборах набирает вес партия «Альтернатива для Германии» (AfD) и, наконец, в США избирают Дональда Трампа. Все перечисленные события произошли во многом вопреки политике правящих кругов Германии, в противовес общественному мнению, которое разными средствами пытались формировать ведущие СМИ Германии. Политические элиты, имеющие доступ к СМИ, и авторы медиатекстов вынуждены комментировать, оценивать сложившуюся ситуацию. Они не признают, что их политика потерпела поражение, изображаемая на страницах СМИ реальность во многом оказалась ложной, а ожидания не подкреплены

фактами и настроениями людей. Говорится о том, что та, другая, политика основывается не на правде и фактах (как в их случае), а на чувствах, настроениях. Люди, проголосовавшие за Трампа, выход Великобритании из ЕС, АДГ и т.п., не хотят видеть «общепризнанной правды», такие вот «постправдивые времена», утверждает-ся во многих статьях и передачах. Такова прецедентная ситуация, послужившая поводом для калькирования и распространения ключевого слова в немецком общественно-политическом медиапространстве.

В следующем контексте учёный Бернд Гэблер как раз говорит о «политическом разочаровании», которое скрывается за фразой “alles sei nun postfaktisch”, в том, какой выбор сделали многие люди, в то время как ожидалось противоположное:

Und es ist immer ein Verhältnis von Fakten und Meinungen. Fakten lassen sich ja selten in einem nackten Zustand erwischen. Und darum gibt es Meinungsstreit. Und meistens ist es so, dass man die Argumente der eigenen Seite für Fakten hält und die auf der anderen Seite nicht für Fakten. Ich [der Medienwissenschaftler Bernd Gäbler] glaube, dass in diesem Ausdruck, alles sei nun postfaktisch, doch auch eine politische Enttäuschung darüber mitschwingt, dass ganz viele Menschen so entschieden haben, wie man es nicht erwartet hat und wie man es auch nicht gerne sieht [13]. / И всегда имеет место соотношение фактов и мнений. Факты ведь редко позволяют застать себя врасплох. Поэтому возникает конфликт мнений. И свои аргументы ты зачастую считаешь достоверными фактами, а аргументы противоположной стороны фактами не считаешь. Я [медиавед Бернд Гэблер] полагаю, что в выражении «Теперь настали постправдивые времена» слышится разочарование в том, что многие люди приняли такое решение, которое не было ожидаемым и которое неохотно признается.

Обращает на себя внимание, что в 2016 году большое количество контекстов из нашего корпуса (начиная с речи А. Меркель) так или иначе были заняты поиском смысла, определением значения лексемы *postfaktisch*. С одной стороны, это объясняется относительной новизной понятия: его нужно было донести до адресата; с другой стороны, это говорит о его концептуально важном характере. Можно также предположить, что политикам или авторам статей приходится пояснять значение нового термина не только в силу того, что читатель может его не знать, но и для того, чтобы сообщить, навязать своё понимание реальной ситуации. В таком случае мы имеем дело с манипулятивным характером воздействия на аудиторию через внедрение в общественное сознание определённых смыслов.

Интересны замечания колумнистки Маргареты Стоковски [32] о характере использования этого слова: некоторые употребляют его иронически как синоним словам «лживый», «неверный», такое употребление автор считает неправильным, другие употребляют его серьёзно, и это верно. Однако новым автор колонки это понятие не считает, политика всегда была такой, то есть выражение “wir befänden uns in einem postfaktischen Zeitalter” («Мы якобы живём в постправдивую эпоху») само по себе *postfaktisch*. Далее автор колонки поясняет, почему при словообразовании был использован именно этот префикс, а не другой, мотивируя используемый префикс наступлением новой эпохи:

Es sei dabei betont nicht von „kontrafaktisch“ die Rede, sondern von „postfaktisch“, weil es nicht nur um Irrtümer, sondern um eine ganz neue Epoche gehe [Ibidem]. / При этом подчеркнута идет речь не о прилагательном «контрправдивый», а [о прилагательном] «постправдивый», поскольку говорится не только о заблуждениях, но и о совершенно новой эпохе.

Другой журналист Ян Фляйшхауер в своей авторской колонке рассуждает о вульгарном популизме, о постправдивой и постэлитарной эпохе [20]. Популистским тенденциям в политике посвящено значительное количество статей из нашего корпуса. Исследуемое ключевое слово уже можно считать маркером дискурса, характеризующегося критикой популизма в политике. Авторы медиатекстов пытаются найти причины социального поведения, именуемого *postfaktisch*, соотносят происходящее с жанром «фикшен» [10].

Наше следующее наблюдение касается графического оформления слова и сочетаний с ним. Зачастую они употребляются в кавычках, с уточнением *sogenannt* («так называемый»). Таким образом авторы медиатекстов сигнализируют о цитации, дистанцировании, а также о новизне слова или коллокации.

Кроме исходной формы, встречается субстантивированное прилагательное, например, в одной из статей пресс-секретарь Саддама Хуссейна получает следующие номинации: *ein Pionier des Postfaktischen* (пионер постправды), *Vertreter des Postfaktischen* (представитель эпохи постправды) [21]. Что касается семантики существительного, то обычно оно используется в значении ‘исторический период, этап, эпоха, характеризующаяся признаками популизма, отказа от достоверных фактов, проверенной правды’. В следующей статье речь идёт о новой книге культуролога Георга Зеслена, где он не без иронии рассуждает о других возможных изменениях в политической жизни общества в эпоху постправды в политике:

Zwei unterschiedliche Erzählungen, die unsere Zeit prägen, macht der Kulturkritiker Georg Seeßlen zum Kerngedanken seines neuen Buchs „Populismus als Politik“: „...wenn man vom Postfaktischen in der Politik spricht, könnte man auch genauso gut von einer endgültigen Verschmelzung von Politik und Pop reden“, so Seeßlen [34]. / Два совершенно разных рассказа, отражающих наше время, формируют основную мысль новой книги культуролога Георга Зеслена «Популизм как политика»: «...говоря об эпохе постправды в политике, можно было бы с таким же успехом говорить об окончательном слиянии политики и поп-культуры».

Что касается тематики статей, в которых встречается изучаемое слово, конечно, в первую очередь это тема объявления *postfaktisch* «словом года», тема выборов президента США и выборов в парламенты Земель Германии, то есть имеет место тематизация прецедентной ситуации, которая способствовала появлению данного понятия. Однако в политическом медиадискурсе можно наблюдать перенос лексемы *postfaktisch* на новые прецедентные ситуации, такие как Северная Корея, долг Греции, экономическая ситуация в Германии.

Пересекая границы политического дискурса, лексема *postfaktisch* интегрируется в рассуждения о футболе, новом фильме или книге, о Рождестве.

Анализируемое слово часто используется журналистами в сильных позициях текстов статей: в заголовках, подзаголовках, лидах, в начале основного текста. Будучи модным трендовым словом *postfaktisch* способствует конструкции зачина, привлечению внимания.

Среди глаголов, сочетающихся с *postfaktisch*, выделяются *wirken* (действовать, воздействовать, оказывать влияние), *sein* (быть), *argumentieren* (аргументировать), с субстантивированной формой употребляется, например, *abgleiten (ins Postfaktische abglitten)* (переходить / скатываться в постфактическое).

Нам удалось обнаружить цепочки производных медийных неологизмов, образованных по аналогии, с таким же префиксом: *Post-Globalisation* (пост-глобализация), *postdemokratisch* (постдемократический), *postatlantisch* (постатлантический), *postberechenbar* (постпредсказуемый), „*Post-West-Weltordnung*“ («постзападный миропорядок») и др. Подобные примеры свидетельствуют не только о деривационном потенциале префикса, но и о распространении данной словообразовательной модели в современном политическом медиадискурсе.

Статистические данные свидетельствуют о постепенном снижении частотности употребления данного прилагательного в медийном дискурсе. Количественный анализ показал, что в период с 1 апреля 2017 года по 3 января 2018 года прилагательное *postfaktisch* в крупнейшей ежедневной газете Германии “*Süddeutsche Zeitung*” [33] встречается 66 раз, в то время как с 1 января 2016 по 31 марта 2017 на страницах газеты было зафиксировано 166 словоупотреблений.

Для того чтобы подтвердить тенденцию, мы проанализировали частотность употребления лексемы на сайте “*SPIEGEL ONLINE*”. Речь идет об одном из самых влиятельных общественно-политических СМИ Германии, на страницах которого прилагательное *postfaktisch* упоминается в 2016 году, начиная с августа, 58 раз, а за полный 2017 год насчитывается 52 случая употребления. Следовательно, в данном случае мы также наблюдаем схожую тенденцию к ослаблению медийной популярности анализируемой лексической единицы. Такие результаты могут указывать на падение интереса к исходной прецедентной ситуации, «устаревание» информационного повода, а также на «привыкание» актёров политического медиадискурса к данному понятию.

Тем не менее, в 2017 году в пространстве СМИ появляются новые примеры сочетаемости исследуемой лексемы, приведем некоторые из них:

in der postfaktischen Pöbelwelt von Donald Trump (в постправдивом мире грубости Дональда Трампа) [25], *Liebhaber postfaktischer Verschwörungstheorien* (любители теорий заговора в эпоху постправды) [35], *sich total postfaktisch amüsieren* (квазиправдиво развлекаться) [9], *sich postfaktisch verhalten* (вести себя постправдиво) [23].

Таким образом, дискурс-анализ, предполагающий выявление динамики в значениях ключевых слов, в опоре на контекстуально-семантический метод анализа дискурсивных репрезентаций и с учетом временной перспективы позволяет не только значительно дополнить кодифицированную семантику ключевых слов, но и наиболее достоверно исследовать особенности их формы, сочетаемости, а также деривационный и дискурсообразующий потенциал.

Дискурсивная реализация прилагательного *postfaktisch* может служить актуальным примером того, как «выбор слова может стать средством навязывания определенных взглядов – идеологических, политических» [7, с. 13].

Исходя из рассмотренных выше критериев ключевого слова и возможных типов ключевых слов, на наш взгляд, *postfaktisch* можно считать концептуально значимой, прагматически весомой лексемой, характеризующейся отрицательным оценочным модусом и темпоральной семантикой и маркирующей современный политический медиадискурс. Подытоживая сказанное, мы склонны скорее относить изучаемое слово к ключевым словам дискурса определённого периода (*Schlüsselwort / Modewort / Zeitgeistwort*).

Список источников

1. Езан И. Е. Аспекты кодификации и употребления ключевых слов немецкого политического медиадискурса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXVII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2016. № 12 (67). С. 84-95.
2. Езан И. Е. Лозунговые слова в политической коммуникации (на материале немецкого языка) // Материалы XL Международной филологической конференции. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 54-60.
3. Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Динамические процессы в лексике немецкого политического медиадискурса // Германстика в современном научном пространстве: материалы V междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 93-100.
4. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
5. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32-40.
6. Нефедов С. Т. Дискурс: направления, школы, методология дискурсивного анализа // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. Вып. VII. Дискурсивные аспекты языковых феноменов. С. 13-33.
7. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 136 с.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 254 с.
9. Becker T. Vielseitig [Электронный ресурс] // *Süddeutsche Zeitung*. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/kurzkritik-vielseitig-1.3775922?reduced=true> (дата обращения: 30.01.2018).

10. **Beschorner T.** Linke Heldengeschichte dringend gesucht [Электронный ресурс] // Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sozialdemokratie-in-der-krise-gastbeitrag-thomas-beschorner-a-1129338.html> (дата обращения: 08.01.2018).
11. **Burkhardt A.** Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. von W. Besch u.a. 2. Aufl., 1 Teilband. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 1998. S. 98-122.
12. **Busse D., Teubert W.** Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven. Wiesbaden: Springer VS, 2013. 421 S.
13. **Deutschlandradio** [Электронный ресурс]. URL: www.deutschlandradiokultur.de (дата обращения: 08.01.2018).
14. **Die Zeit** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/index> (дата обращения: 08.01.2018).
15. **Dieckmann W.** Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975. 147 S.
16. **DUDEN** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 08.01.2018).
17. **DWDS** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 08.01.2018).
18. **Felbick D.** Schlagwörter der Nachkriegszeit 1945-1949. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 2003. 600 S.
19. **Fischer S.** Das Signal [Электронный ресурс] // Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/wahl-berlin-2016-angela-merkel-geht-auf-horst-seehofer-zu-a-1112934.html> (дата обращения: 08.01.2018).
20. **Fleischhauer J.** Verpiss dich, Elite! [Электронный ресурс] // Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/vulgaerpopulismus-verpiss-dich-elite-kolumne-a-1124417.html> (дата обращения: 08.01.2018).
21. **Fünf Typen des Pressesprechers** [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/medien/pressesprecher-fuenf-typen-des-pressesprechers-1.3617441> (дата обращения: 30.01.2018).
22. **Gur-Şeker D.** Das Wort im Diskurs // Wort und Wortschatz / hrsg. von U. Hass, P. Storzjohann. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. Bd. 3. S. 77-101.
23. **Hartung M. J.** Eltern verhalten sich postfaktisch [Электронный ресурс] // Zeit online. URL: <http://www.zeit.de/2017/19/g9-rueckkehr-olaf-koeller-abitur-mythen> (дата обращения: 31.01.2018).
24. **Hermanns F.** Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen “politischen Semantik” // Bericht Nr. 81 der Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 “Sprache und Situation”. Heidelberg – Mannheim: Universität Heidelberg; Universität Mannheim; Institut für deutsche Sprache, 1994.
25. **Keine Angst!** [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/wissen/psychologie-keine-angst-1.3806040?reduced=true> (дата обращения: 30.01.2018).
26. **Keyes R.** The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N. Y.: St. Martin's Press, 2004. 320 p.
27. **Multitran** [Электронный ресурс]: электронный словарь. URL: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 09.01.2018).
28. **Niehr Th.** Einführung in die Politolinguistik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. 191 S.
29. **Niehr Th.** Schlagwort // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Tübingen: Niemeyer, 2007. Bd. 8.
30. **“Postfaktisch” ist Wort des Jahres 2016** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/presse/Postfaktisch-ist-Wort-des-Jahres-2016> (дата обращения: 08.01.2018).
31. **Spitzmüller J., Warnke I. H.** Methoden der Diskurslinguistik. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. 236 S.
32. **Stokowski M.** Das gefühlte Zeitalter [Электронный ресурс] // Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/das-gefuehlte-zeitalter-kolumne-von-margarete-stokowski-a-1125664.html> (дата обращения: 08.01.2018).
33. **Süddeutsche Zeitung** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/> (дата обращения: 08.01.2018).
34. **Thöhne E.** Goofy gewinnt [Электронный ресурс] // Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/donald-trump-und-seine-selbstinszenierung-goofy-gewinnt-a-1130869.html> (дата обращения: 08.01.2018).
35. **Unbequeme Wahrheiten** [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/aussenansicht-unbequeme-wahrheiten-1.3785877?reduced=true> (дата обращения: 30.01.2018).
36. **Wanzeck Ch.** Lexikologie. Beschreibung von Wort und Wortschatz im Deutschen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH&Co; KG, 2010. 183 S.
37. **Word of the Year 2016 is...** [Электронный ресурс] // Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 30.01.2018).

DISCOURSE ANALYSIS OF THE GERMAN KEY WORDS

Kovtunova Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Ezan Irina Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
e.kovtunova@spbu.ru; i.ezan@spbu.ru

The article is devoted to theoretical and practical aspects of a discourse analysis of the relevant German political key words. The authors consider the issues of identifying and classifying key words; special attention is paid to their discursive and pragmatic characteristics. The paper provides a discourse analysis of the new key word “*postfaktisch*” at intra-textual, trans-textual levels and at the level of actors; examines the peculiarities of codified and discursive semantics in the political media-discourse and analyzes discursive derivatives and collocations of the lexeme.

Key words and phrases: political language; media-discourse; key word; discourse analysis of vocabulary; political neologisms.